"В двенадцатом было году..."

В двенадцатом было году,
Шел француз на матушку Москву
И шел на Россеюшку на всю.
Мать Россия, мать наша Россия,
Мать Российская наша земля,
Про тебя ли, мать Россия,
Широка славушка шла.
Широко и далеко,
Как про белого царя,
Про белого про царя,
Как про Платова-казака.
У Платова-казака
Не стрижены волоса,
Не стрижены волоски
И небретая борода.
Через закон Платов вступил,
Бритву-ножницы купил,
Волосы свои обстриг
И себе бороду обрел.
И ко французу в гости вшел.
Француз его не узнал,
За купчика почитал,
Его честно принимал,
И за тучные ручки брал,
И за убраной стол сажал,
И вина чару наливал:
«Пей-ко рюмку, пей-ко две,
Я налью тебе еще,
Я налью тебе еще.
Скажи правду сущу мне,
Кто начальником в Москве?
Сколько раз в Москве бывал,
Всех начальников знавал,
Одного я не знавал
Только Платова-казака,

Кто б про Платова сказал,
Так тому много злата дал».
«Ни на что злато терять,
Можно так его узнать:
Платов ростом не великий,
Словно братец родной мой,
Его личико и румянец
Будто брата моего,
Но только карчавые волоса
Отличают от меня».
Французова дочерина
Из палаты выходила,
Купца милости спросила:
«Ай же купчик-голубчик,
Покажи-ка свой портрет».
Платов портретик вынимал
И на убраной стол кладал,
На убраной стол кладал,
Из палаты вон бежал,
Из палаты вон бежал,
Громким голосом вскричал:
«Ох ты старо-древняя ворона,
Стародавняя кочерга,
Не сумела ты, ворона,
Щипать сокола в хоромах,
Не видать тебе, ворона, больше меня,
Как Платова-казака».

(Зап. М. И. Силовым без разделения на строки)

Исторические песни XIX века. Изд. «Наука». Ленинградское отделение. Ленинград, 1973.